

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Б.Б. ГОРДОВИКОВА»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**СЕТЕВОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, КУЛЬТУРА**

Материалы Международной научной конференции

7-10 декабря

Элиста 2017

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

«Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», международная науч. конф. (2017; Элиста). Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура», 7-10 декабря 2017 г. [Текст]: материалы / редкол.: Б.К. Салаев [и др.]. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – 446 с.

Сборник содержит материалы докладов и выступлений ученых из различных академических институтов, вузов Российской Федерации, стран Ближнего и Дальнего зарубежья по вопросам востоковедной лингвистики, фольклора и литературы в диалоге восточных культур, истории, культуры и традиционного хозяйствования восточных народов.

Сборник адресован научным работникам, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами востоковедения.

Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура» проведена в рамках реализации Стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России» «Программы развития Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова как опорного регионального университета на период 2017-2021 гг.»

Редакционная коллегия:

Б.К. Салаев (отв. редактор), Е.Э. Хабунова, М.А. Лиджиев, Б.А. Шурунгова,
Л.А. Лиджиева, Д.Б. Гедеева, С.Н. Артаев

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-91458-250-7

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова», 2017
© Авторы, 2017

ДАННЫЕ ФОЛЬКЛОРА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПУТЕЙ ЭТНОГЕНЕЗА ОЙРАТСКИХ ГРУПП

Поскольку изучение человека вообще, и сложение отдельных его групп в частности, это многоаспектная проблема, в наши дни исследованием этого процесса занимаются представители различных дисциплин. В работе об этногенезе ойратских групп, созданной в основном на основе писанных источников, я упоминал о методах, используемых в различных дисциплинах [14, с. 10-13]. Однако роль фольклористики в этом процессе осталась почти неосвещенной. В данном сообщении хотелось бы рассмотреть этот вопрос более подробно.

При рассмотрении разных этногенетических ситуаций и возможностей их реконструкции В.П. Алексеев [8], исследовавший вопросы этнической истории и происхождения рас, приходил к выводу, что ни антропологические, ни лингвистические данные, ни этногенетические предания не имеют абсолютного значения, их роль относительна, и меняется в зависимости от периода рассматриваемых процессов и событий. Он полагал, что роль антропологических материалов неопределима в освещении событий эпохи камня и бронзы, при этом их этногенетическая эффективность часто понижается по отношению к поздним историческим событиям. Лингвистические данные особенно эффективны для эпохи раннего железа и эпохи средневековья. А этногенетические предания приобретают настоящую разрешающую силу только к эпохе средневековья и сохраняют ее вплоть до последних столетий.

Изучение этногенетических преданий (мифов, легенд) является основным инструментом при изучении вопросов этногенеза с позиций фольклористики. С.Ю. Неклюдов, специалист в области типологии фольклора, говорит о трех способах объяснения сходства между устно бытующими текстами: генетический (при наличии у сходных явлений общего предка); через заимствования, в условиях культурного и лингвистического двуязычия (в зонах дву- или многоязычия); типологический (когда сходные сюжеты или мотивы складываются либо благодаря одинаковым обстоятельствам, либо причин для объяснения сходств столь много, что учесть их в полном объеме практически невозможно, т.е. к этому случаю относят все совпадения, необъяснимые через общего предка или заимствования). При этом нет общепризнанного способа определять, какое из этих трех объяснений работает в том или ином конкретном случае. Бывают случаи, когда все три фактора действуют одновременно.

Ю.Е. Березкин, специалист по сравнительной мифологии, создавший базу данных мифологических сюжетов и мотивов народов мира и картографировавший их, приходит к выводу о том, что для реконструкций прошлого с помощью фольклора, эффективнее рассматривать не сами сюжеты (зачастую длинные), а более мелкие элементы – мотивы, сюжетные ходы и т.п. Картографирование и анализ географического распределения этих элементов дает возможность судить о путях распространения этих элементов, а следовательно о возможных путях распространения человеческих групп/популяций, контактах этих групп между собой на протяжении отрезков времени исчисляемых тысячелетиями. Таким образом, этот метод дает для фольклорного материала возможность изучения гораздо больших временных промежутков, нежели простое использование сюжетов, о котором писал В.П. Алексеев. Хотя этот метод работает далеко не во всех случаях, тем не менее, в ряде их он дает весьма интересные результаты, подтверждаемые методами других дисциплин, в частности популяционной генетики. Подробно об этом методе и конкретных способах его применения Ю.Е. Березкин рассказывает в своем курсе «Археология фольклора: мифологические мотивы на карте мира» [9].

Что касается разрешения вопросов ойратского этногенеза, то первым, можно сказать лежащим на поверхности объектом фольклора, имеющимся в нашем распоряжении, являются легенды о происхождении различных аристократических линий ойратской этнической общности. Для большинства современных монголоязычных ойратских групп, число которых в РФ, КНР и Монголии, по разным оценкам достигает 14-15-ти [13], в основном являющихся наследниками средневековых союзов, можно выделить четыре основные линии аристократии: хойд, чорос (для дөрвөд, зүүнгар, өөлөд), керейт (для торгууд) и борджигин (для хошууд). Каждая из этих линий имеет свою легенду о происхождении, сюжеты которых приводятся ниже.

Родословная хойдских нойонов возводится к Йабуган Мэргэну (Yabayar или Yabuyan Mergen) или Пешему стрелку. Различные версии легенд о нем, как в устной, так и в письменной традициях, говорят, что он жил на три поколения раньше Чингис-хана, женой его была небесная дева и о том, что приглашенный китайцами для подавления внутренних беспорядков, впоследствии был отравлен ими. При этом имя баатуд (богатыри) было дано хойдам китайцами из-за их храбрости и отваги.

Различные варианты легенд о происхождении чоросских нойонов говорят, что их родоначальником был мальчик, найденный охотником под деревом (либо в куске дерева). Мальчик питался соком дерева, который капал ему в рот через изогнутую ветку, в то время как над ним летала сова. В разных вариантах либо само дерево имело изогнутую форму, либо ветка, через которую он питался имела форму чорго/цорго изогнутой трубки, используемой для перегонки молочных продуктов [11].

Хотя родословная торгуудских нойонов из клана кереит традиционно возводится к историческому Ван-хану (или Тогорилю), современнику Чингис-хана, чью родословную можно проследить и далее, примерно до начала II тысячелетия (1000-1100 гг.) н.э. [12], существует альтернативная версия генеалогии торгуудских ханов, возводящая их к выходцу из Индии, Гэрэл-Дара-хану [3]. Согласно данному источнику один из его потомков – Он-тайса является современником Чингис-хана, однако его история не напоминает историю кереитского Ван-хана.

Линия хошуудских нойонов традиционно возводится к Хабуту Хасару, младшему брату Чингис-хана. Различные варианты этих генеалогий в свое время рассматривал Хидэхиро Окада [6], поставивший под сомнение это утверждение. Однако если хошуудские нойоны, относимые в средневековье к клану үджийэд (öjïyed), все же происходят от младшего брата монгольского императора, то они являются потомками линии боржигин-кият. В свою очередь эта линия возводится к Бортэ чино и Гоа марал (Серому волку и Прекрасной лани).

Насколько известно, из всего массива доступной нам информации, единственной работой по анализу сюжетов этих легенд является работа Х. Окады, который подробно рассмотрел легенды о происхождении аристократической линии чорос. На основании сравнения чоросской версии легенд о мальчике, оставленном под деревом и легендами древних уйгуров о происхождении их правителей, записанных в китайском «Гаочан ванши сюньбэй», «Истории Завоевателя Мира» Джувейни [4; 5] и других источниках, он пришел к заключению о том, что чоросская легенда является одним из коротких вариантов предковой уйгурской легенды. Ее подробное изложение в разных вариантах можно найти в его статье [6]. Объяснение сходству этих легенд японский исследователь находит в истории. После того, как уйгурская империя рухнула в результате киргизского вторжения в 840 г., уйгуры стали переселяться в иные земли. Помимо некоторых, ушедших в землю ши-вэй на северо-востоке, большинство их оставило территорию современной Монголии, уйдя на юг в горы Инь-Шань и дальше на запад, в Ганьсу, Тянь-Шань и землю карлуков. Те, кто поселились в Инь-Шане стали племенем өнггүд, впоследствии монголджин или түмэд. Те, кто переехал в Ганьсу были впоследствии поглощены тангутским государством Си Ся, тангуты же, по крайней мере их часть стали впоследствии племенем йөнгшизбү. Те, кто переместился на Тянь-Шань образовали так называемое уйгурское королевство Гаочан. Те, кто присоединился к карлукам позже создали династию Кара-ханидов, которая была завоевана кара китайской империей Си Ляо, и в конце концов стала доменом Чагатайского улуса в период Монгольской империи. Другим остатком древних уйгуров могли быть найманы, наиболее вероятные по мнению Х. Окады, предки чоросов.

Помимо рассмотрения происхождения группы чорос, Х. Окада приводит один из вариантов легенды о мальчике, оставленном под деревом, записанную Палласом. В нем Йабуган Мэргэн встретил на охоте небесную деву, изгнанную с небес за грех, и женился на ней. Но нимфа, не довольствовалась земным человеком, и имела незаконные отношения с Бө-нойоном (Бө-ханом или Лусун-ханом) в отсутствие Йабуган Мэргэна ушедшего на войну. Она родила мальчика, которого перед возвращением мужа оставила под деревом. Узнав об этом, Бө-хан, не имевший мужского потомства, нашел мальчика в тумане, над головой которого летала сова и усыновил его [7]. По мнению Х. Окады эта история содержит слишком много неестественных и странных частей, свидетельствующих о поздних исправлениях в сравнении с ее более оригинальными формами, сохраненными у Габан Шараба и в The Great Prayer to Chinggis Khan (Великой молитве к Чингис-хану) [2; 1], которые ближе к уйгурской предковой легенде. По его мнению, поскольку

хойдские нойоны происходят от старых властителей ойрад, эти исправления явно являются попыткой присоединения родословной чоросов к предкам хойдов, для получения престижа. Он привязывает эти изменения к периоду после включения чоросов в ойратский союз, когда постепенно чоросские нойоны оттеснили хойдских от власти.

Этот вывод японский исследователь подтверждает толкованием этнонима өөлөд (*ölöd/ögeled*) как формой множественного числа от *ölön/ögelen* (*ögelen köü* «пасынок»; *ögelen keüked* «приемные дети»; *ögelen еңге* или *qoyitu ögele* «отчим»; *ögelen aqa degü* «сводные братья по материнской линии»). Развивая мысль, он говорит, что өөлөд является изначально общим собирательным термином, который охватывал как старые племена (хойд и баатуд), которые первыми сформировали ядро ойрадской федерации, так и чорос которые позже заместили их у власти.

Таким образом Х. Окада использовал сюжеты легенд о происхождении ойратской аристократии для реконструкции этногенетических путей. Эта реконструкция позволила ему не только создать модель взаимодействия разных групп, но и привязать ее к историческим событиям примерно XII-XV вв., зафиксированным письменными источниками.

Полагаю, что вполне возможно сделать анализ легенд о происхождении ойратской знати не только на основе сличения сюжетов, но на основе сличения мотивов, в частности бродячих мотивов, методом Ю.Е. Березкина, что могло бы дать новые результаты как для раскрытия путей миграции предков ойратской этнической общности в целом, для обширных периодов в тысячи лет, так и для установления каких-то более частных вопросов для более коротких временных отрезков. Однако, по всей видимости, эта тема находится вне внимания исследователей. К сожалению, пока каких-либо работ с использованием как сюжетов (кроме единственной приведенной выше), так и мотивов в ойратских этногенетических преданиях, проведенных для раскрытия путей этногенеза ойратской общности, нами обнаружено не было.

Литература

На монгольском языке

1. Činggis qayan-u yeke öčig. Če. Damdinsürüng: Mongyol uran jokiyal-un degeji jayun bilig orusibai. Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Comitetti Scientiarum et Educationis Altae Reipublicae Populi Mongoli, Tomus XIV. – Ulaanbayatur, 1959. h. 73-87. цит. по Okada, 1987.
2. Emči Gabang šes rab: Dörbön oyirodiyın töüke, Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongoli, Tomus V, Fasc. 2-3. – Ulanbator, 1967. цит. по Okada, 1987.
3. Ünen süjigtü qayucin Torγud kiged Čing sedkiltü šine Torγud-ud-un qayan noyad-un uy ündüsün-ü ilelkel teüke-yin bičig, 1985. – x. 365-366.

На китайском языке

4. Yü Chi. Kao-ch'ang Wang shih hsün pei (Гаочан ванши сюньбэй) содержится в гл. 26 Kuo ch'ao wen lei - «Гочао Вэнь Лэй» юаньской литературной энциклопедии. цит. по Okada, 1987.

На европейских языках

5. Ata-Malik Juvaini, The history of the world-conqueror. Manchester, 1958. Vol.I. цит. по Okada, 1987.
6. Okada, Hidehiro. Origins of the Dörben Oyirad // Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge. Band 7. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. pp. 181-211.
7. Pallas P.S. Samlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. – St. Petersburg, 1776. цит. по Okada, 1987.

На русском языке

8. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. – М.: Наука, 1989.
9. Березкин Ю.Е. Археология фольклора: мифологические мотивы на карте мира (курс лекций) <https://stepik.org/course/51>
10. Неклюдов С.Ю. Почему мифы разных народов похожи <http://arzamas.academy/materials/123>

11. Хойт С.К. Белые пятна в этногенезе дэрбэт // Молодежь и наука: третье тысячелетие. Материалы II республиканской научно-практической конференции (Элиста, 30 ноября 2005 г.). – Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. – С. 104-122.

12. Хойт С.К. Кереиты в этногенезе народов Евразии: историография проблемы. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008.

13. Хойт С.К. Последние данные по локализации и численности ойрат // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008. – С. 136-157.

14. Хойт С.К. Этническая история ойратских групп. – Элиста, 2015.

*Г.Р. Хусаинова,
Уфа, Россия*

ТЮРКСКИЕ СКАЗКИ НА СЮЖЕТ ATU650A «ЮНЫЙ СИЛАЧ»: ОБЩНОСТЬ И ОТЛИЧИЯ

Международный сюжет ATU 650A «Юный силач» (по СУС 650A «Иван медвежье ушко») является широко распространенным в фольклоре тюрко-монгольских народов. Для начала рассмотрим сказки ряда тюркских народов на указанный сюжет. Это территориально близкая к башкирам татарская и более дальние территориально тувинская и якутская сказки.

В башкирском фольклоре существует несколько вариантов сказок со словом «айыуголак»: “Мальчик с медвежьими ушками”, “Богатырь-Айыу-голак”, “Аюголак” [1, с. 420]. А в репертуаре тувинских сказок имеет место сказка “Медвежий сын силач Ыйгылак-Кара” [5, с. 227]. Сравнение текстов показало, что и по содержанию, и в плане персонажей сказки башкир сильно похожи на тувинскую: совпадает имя главного героя сказок двух народов, одинаково их происхождение. Так, в башкирской сказке: женщина пошла в лес за дровами, заблудилась, угодила в медвежью берлогу, медведь ее схватил, накормил, напоил, но домой не отпустил, оставил жить у себя [1, с. 171], а в тувинской: женщина за водой отправилась (они жили на опушке леса), а там, где брали воду, медведь подстерегал; он схватил женщину в охапку и пошел [5, с. 227].

В сказках обоих народов: женщина рождает сына с большими ушами: “Бәпестең колағы айыу колағына окшаған” (У младенца уши были похожи на медвежьи уши) [3, с. 173] – в башкирской и “куллааң адыг кулаа ышкаш-тыр” (у тебя уши как у медведя) [5, с. 231] – в тувинской; мальчик растет очень быстро: «Айыуғолак айлап кына түгел, көнлөп, сәғәтлөп үскән, ти» (Аюголак не по месяцам, по дням и по часам рос, говорят) [3, с. 173] – в башкирской и «Ол төрүпалган оглунунөзүген деп чүвези, бир хонарга-ла: “Бир харлыг мен” – дээр, ийи хонарга “Ийи харлыг мен”, үш хонарга “үш харлыг мен”, – дээр» (Этот родившийся мальчик так быстро рос!.. Одни сутки прошли – “Мне один год”, – говорит; двое суток – “Два года мне”, – говорит; трое суток прошло – “Три года мне”, – говорит) [5, с. 226] – в тувинской сказке.

В сказках двух народов герои в пути встречают богатырей однотипных: в башкирской – Имән батыр (Дуб-богатырь) – с корнем вырывает деревья и пересаживает их на другое место и Тау-батыр (Гора-богатырь) – переставляет горы с одного места на другое [2, с. 144]; в тувинской – Дыт-Турар Узун-Сарыг-Мөге (Корчеватель Лиственниц Узун-Сарыг-силач) – выдергивает лиственницу, на место другой лиственницы сажает [4, с. 231] и Хая-Турар Улуг-Кара Мөге (Корчеватель Скал Улуг-Кара-силач) – вырывает одну скалу, на место другой скалы ставит [4, с. 233].

Однотипны также недруги героев: в башкирской сказке – старик – сам ростом с вершок, а борода – с тысячу вершков [2, с. 45], в тувинской – улуг эр киж, чес хаайын, чес дырган (огромный мужчина с медным носом, с медными когтями) [4, с. 243]. В сказках обоих народов спутники героя не признаются, что встретились с хозяином дома, а Аюголак/Ыйгылак-Кара, встретившись с ним, пытается его удержать, но тот убегает. Далее он, оставив товарищей наверху, преследует противника в подземелье. По пути встречает: в башкирской – друг за другом трех девушек, а в тувинской – старуху с тремя дочерьми. В сказках обоих народов эти девушки становятся нареченными батыров; богатыри предают товарища – перерезают аркан, и батыр обратно падает вниз. Батыр спасает птенцов Самригуш (башк.) / Хаан-Херети (тувинск.) от